

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Эротический этюд 15

Он не раз прогонял ее, не стесняясь в выражениях. Он любил быть один, несмотря на невыносимое количество баб, вечно летящих на него с растопыренными крылышками. Но она оказалась упорнее многих, и возвращалась снова и снова. Она уже устала от разговоров и смотрела на него со скорбным пониманием обреченной. Что заставляло его снова и снова принимать ее? Что заставляло ее снова и снова возвращаться?

Воистину, пожар в доме начинается с антресолей, где тлеют керосином страсти человеческие. Никто из них не заметил, как банальный роман перешел к надругательству над самим собой. Поначалу злодейство, которое он учинил над ней, еще носило некий привкус эротики. Во всяком случае, его скандальные акции сопровождались бурной эякуляцией, а ее робкие ответы — потаенными фейерверками во флигеле чувственности, сиротливо стоящем рядом с барским домом немого обожания.

Она канцелярской скрепкой соединяла черновики его бездарных дней. Он катился в пропасть, а она была жалкой стрелкой, неспособной повернуть даже его одинокий, без единого вагона, паровоз.

Вот вам скандальный эпизод. От души, с книжечкой, посидев на унитазе, он звал ее вылизывать Южные ворота своего одиночества, и она, дура, борясь с приступами рвоты, приползала на четвереньках выполнять эту нехитрую роль.

Или. Отделяваясь от утренней эрекции, он добавлял сомнительных специй в ее утренний кофе. И она, сочтя эту приправу изысканной, выпивала до капельки предложенное зелье. Потом еще просила добавки и высасывала последние крупички сомнительного элексира из Северных ворот его одиночества.

Или. Читая на ночь что-нибудь ортодоксальное, с кринолинами и реверансами, он, наверное, по чистой забывчивости, стряхивал пепел сигареты в ложбинку между ее грудок, отличающихся, кстати, примерной формой и сладчайшим содержанием. Бывало и так, да простит меня Общество Ревнителей Кожи, что сигарета тушилась там же, в упомянутой ложбинке, с омерзительным шипением и запахом, который заставлял почему-то вспомнить последний день Помпеи...

И ни разу, ни словом и ни жестом, он не просил ее выполнять то, что она делала. Мало того. Отдадим должное этому подлецу и развратнику. Не раз он гнал ее прочь, только бы снова остаться одному и побыстрее дожить до конца.

Но, что поделать, она возвращалась снова и снова. Она хорошела рядом с ним, многие желали ее и даже влюблялись. Узнай она об этом, удивилась бы ужасно... Но и ум ее, и воля были вырезаны навсегда этим куском отвратительной плоти — ее ненаглядным.

Бывало, он, угостив ею одного из собутыльников, укладывался с ними рядом и, помогая обоим, ласкался, как малое дитя... Она, лишь дождавшись его приближения, сразу взрывалась переспевшим арбузищем, и Гость Бахчи с некоторым недоумением приписывал себе столь бурную победу.

Потом, когда у него почернела и отвалилась Душа, ей стало совсем плохо...

Она попросту превратилась в мебель. Если ее угораздило встать не там, где нужно, он взглядом перемещал ее на новое место. Если она оказывалась на его пути, он отодвигал ее, не обращая никакого внимания...

Вечерами в комнату приходило оглушительное тиканье часов — толстых, брюхатых, очень старых. Эрос с обожженными крыльями тараканом сидел под лавкой. Глаза любимого останавливались, как часы, и тиканье казалось посторонним, лишним звуком там, где уже не было времени...

А бывали дни, когда он плакал, уткнувшись щетиной в ее бедную, обожженную грудь. Она жалела его, потому что так было надо, и каждая его слеза пускала корешок, причиняя новую боль...

Сколько дней прошло в этих сумерках? Она не знала... Он и не хотел знать... Потом она перестала откликаться на свое имя, и он перестал звать ее по имени. Потом они поняли и приняли Луну, выли на нее, когда была охота или просто смотрели в темноте. Потом перестал наступать день, и воцарилась ночь, долгая, как остановка поезда в тоннеле...

Даже когда он ушел в свою непомерную дозу, она не сразу заметила это. Она продолжала ласкать его тело и радовалась тому, что ее не наказывают. Она, никем не остановленная, развернула во всю длину полотнище любви с кривыми буквами на нем. Это были самые счастливые дни в ее жизни...

Потом началась суета, и Гость Бахчи наливал ей водку на кухне, и какой-то белый с добрыми глазами щупал ей пульс и заглядывал в глаза... Потом она поняла, что ее любимого увозят навсегда, чтобы зарыть в землю.

Она просилась с ним, но ее не пустили. Тогда она приняла правила игры и отстояла с толпой на кладбище положенное время. Она взяла себя в руки и только плакала, как все, потому что так было надо, чтобы ее не забрал Белый с теперь уже нехорошими глазами.

Дождавшись ночи, она облегченно улыбнулась Луне и отправилась на кладбище. Когда она дошла, уже светало. Но Луна еще успела подмигнуть ей на прощанье, оставляя навсегда в обнимку с дешевым, наспех поставленным камнем. © Mr. Kiss, Сто осколков одного чувства, 1998—1999гг